
АНТИЧНАЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

Месяц С.В.

кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии Российской академии наук, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
E-mail: messiaats@mail.ru.

Искушение буквализмом, или Каким должен быть перевод античной философской классики?

Аннотация: Нарастающая неудовлетворенность классическими русскими переводами Платона и Аристотеля, созданными во второй половине XX в., а также желание заменить их более новыми, точными и отвечающими современному состоянию науки, заставляет поставить вопрос о принципах перевода античных философских текстов. В статье показано, что если советские переводчики руководствовались в основном принципом «художественного» перевода, предполагающего творческое воссоздание оригинала средствами родного языка, то современный читатель больше склоняется к переводу «буквальному», передающему не столько мысль автора, как ее понял переводчик, сколько слова переводимого текста. В статье дается сравнительное описание обеих переводческих стратегий и на конкретных примерах показываются сильные и слабые стороны каждой из них.

Ключевые слова: Античная философия, философские тексты, теория перевода, художественный перевод, буквализм, Платон, Аристотель.

1. Художественный перевод

Сегодня все чаще можно услышать критику в адрес старых русских переводов Платона и Аристотеля, выполненных такими выдающимися русскими филологами и переводчиками как М.Л. Гаспаров, С.С. Аверинцев, А.Н. Егунов, С.П. Маркиш, Т.В. Васильева, А.В. Кубицкий, А.Ф. Лосев, А.В. Лебедев и др.¹ Их упрекают за недостаточную точность и излишнюю художественность, за то, что, приспособив текст к нормам русского языка и привычкам русского читателя, они подчас заменяют перевод пересказом, передают насыщенные философским смыслом места обтекаемыми и ничего не значащими фразами, не обращают внимания на случаи технического словоупотребления, не придерживаются унифицированного перевода философских терминов, и, избегая непривычных для русского читателя оборотов и образов, заменяют их своими, что приводит к стиранию стилистических особенностей подлинника. Эти замечания относятся к самым лучшим, наиболее удачным переводам античной философской классики и не касаются откровенно слабых работ, изобилующих ошибками, в том числе и грамматическими.

В качестве примера того, как безупречный в грамматическом отношении перевод способен игнорировать яркую и многозначную образность греческого подлинника, можно привести отрывок из платоновского «Тимей» 90а в переводе С.С. Аверинцева. В этом месте речь идет о разумном начале человеческой души, которое обитает в голове, на вершине нашего тела, и потому «... устремляет нас от земли к родному небу как небесное, а не земное порождение»². Если

¹ См.: *Россиус А.А.* Русский текст Платона: современное состояние // Платоновский сборник. Т. 1. М.; СПб., 2013. С. 104–116; *Бугай Д.В.* (комментарии): *Порфирий.* О жизни Плотина и порядке его книг / Пер. и комм. Д.В. Бугая // Историко-философский альманах. 2015. Вып. 5. С. 161–213; *Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля. Новосибирск, 2011. С. 9–31; *Месяц С.В.* Начала метафизики Прокла // АРХЭ. Труды культурологического семинара. Вып. 5 М., 2009. С. 203–235; *Петров В.В.* Символ и священнодействие в позднем неоплатонизме и Ареопагитском Корпусе // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма. М., 2013. С. 300–302. См. также описание целей и задач проекта «Наследие Платона», предполагающего подготовку новых переводов Платона на русский язык, в кн.: *Платон.* Парменид / Пер., введение и комм. Ю.А. Шичалина. СПб., 2017. С. 3–4.

² *Платон.* Тимей / Пер. С.С. Аверинцева // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 497; *Plat.* Tim. 90a ... πρὸς δὲ τὴν ἐν οὐρανῷ συγγένειαν ἀπὸ γῆς ἡμᾶς αἴρειν ὡς ὄντας φύττον οὐκ ἔγγειον ἀλλὰ οὐράνιον.

попытаться передать этот текст Платона буквально, то получится следующее: «...подымает нас от земли к небесному родству, как если бы мы были не земным, но небесным *растением* (ὡς ὄντας φύτον οὐκ ἔγγυειον ἀλλὰ οὐράνιον)». Как видим, греческое φύτον (растение, дерево) Аверинцев передает бледным и в высшей степени абстрактным словом «порождение», в результате чего яркий образ человека как небесного растения, растущего корнями вверх, а кроной вниз – образ, который впоследствии обыгрывали многие античные и христианские мыслители³ и который стал таким же узнаваемым маркером платоновской антропологии, как и общипанная курица⁴ – этот насыщенный смыслами образ полностью исчезает. Подобная невнимательность переводчика тем более не извинительна, что двумя строками ниже Платон, продолжая развивать образ человека как перевернутого дерева, называет голову корнем, которым мы растаем в небо: «голову, являющую собой наш корень, божество простерло туда, где изначально была рождена душа»⁵.

В другом месте – «Тимей» 29c – Аверинцев меняет порядок слов в греческой фразе (ὁ τί περ πρὸς γένεσιν οὐσία, τοῦτο πρὸς πίστιν ἀλήθεια), поставив подлежащее на первое, а косвенное дополнение – на второе место, придав таким образом платоновскому тексту более естественное звучание: «Как бытие относится к рождению, так истина – к вере»⁶, вместо того, чтобы перевести: «как к рождению отно-

³ О φύτον οὐράνιον см.: 1) *Philo Alex.* Quod det. 85, 1: «единственным небесным растением на земле Бог сделал человека», пер. И.А. Макарова цит. по: *Филон Александрийский.* О том, что худшее склонно нападать на лучшее // Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета. М., 2000. С. 217; 2) *Clem. Alex.* Protr. II, 25: «небесное растение, то есть человек»; 3) *Nemesius.* De natura hominis I, 451: «мы – небесное растение»; 4) *Euseb.* Praer. ev. VIII, 14, 66: «...по рождению человек есть небесное растение и отпрыск Божий». Христианские писатели охотно использовали образ человека как небесного растения, чтобы подчеркнуть, что в отличие от прочих созданий, он получает свою пищу с небес, а не из земли. Об использовании этого выражения в Герметическом корпусе и у Дионисия Ареопагита см.: *Петров В.В.* Многосветлая цепь. Солнце в позднеантичном платонизме и Ареопагитском Корпусе // ПЛАТΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма М., 2013. С. 242 (прим. 9).

⁴ Существует легенда, что Диоген Синопский в ответ на определение Платоном человека как «животного о двух ногах, лишённого перьев» общипал петуха и принес в Академию, объявив: «Вот платоновский человек!» (Диоген Лазертский VI, 40, пер. М.Л. Гаспарова).

⁵ *Платон.* Тимей / Пер. С.С. Аверинцева. С. 497.

⁶ *Платон.* Тимей. С. 433.

сится бытие, так к вере – истина». Казалось бы, никакого вреда содержанию от такой перестановки нет, правила грамматики греческого языка вполне допускают это, но все же некоторая необычность и странность текста, на которую обращали внимание уже античные комментаторы Платона, при таком переводе теряется. Давайте посмотрим, как понимает это место Прокл. В своем «Комментарии к “Тимею”» он пишет: «Хотя Платон вполне мог бы поставить на первое место умопостигаемое бытие и истину, он тем не менее начинает с рождения и веры, чтобы совместить существующее для нас с порядком, существующим от природы, и соблности иерархию предметов исследования, занявшись в первую очередь тем, что известно нам»⁷. Иными словами, Прокл усматривает в словах Платона формулировку определенной исследовательской стратегии, схожей с той, которой всегда придерживался Аристотель: в познании вещей необходимо продвигаться от более понятного и ясного для нас к более понятному и ясному по природе; то есть от возникновения – к бытию и от веры – к истине, а не наоборот. Перевод Аверинцева полностью исключает возможность такой трактовки текста. Можно ли считать это недостатком? И если да, то насколько устранимым? Ответ не так очевиден, как кажется на первый взгляд.

Еще один пример показывает, что приверженность переводчика определенной интерпретации зачастую лишает текст многозначности. С.С. Аверинцев переводит фразу $\mu\epsilon\upsilon\iota\sigma\tau\omicron\nu\ \delta\eta\ \lambda\alpha\nu\tau\omicron\varsigma\ \alpha\rho\chi\alpha\sigma\theta\alpha\iota\ \kappa\alpha\tau\grave{\alpha}\ \phi\upsilon\sigma\iota\nu\ \alpha\rho\chi\eta\nu$ («Тимей», 29b2-3), вставляя в текст отсутствующие в оригинале слова: «но в каждом рассуждении важно избрать сообразное с природой начало»⁸, – между тем у Платона сказано: «важнее всего начать с сообразного природе начала». Учитывая, что строкой ниже Платон говорит о том, что слово и рассуждение должны соответствовать предмету, который они изъясняют, так что слово о неизменном и устойчивом предмете и само должно быть неизменным и неопровержимым, а слово о том, что представляет собой всего лишь подобие умопостигаемого первообраза, и само должно быть правдоподобным, – учитывая все это, можно было бы признать интерпретацию Аверинцева верной, а предлагаемую им вставку слов «в каждом рассуждении» пусть и не обязательной, но совершенно оправданной. Однако вновь заглянув в «Комментарий к “Тимею”» Про-

⁷ Proclus. In Tim. I, 345. Здесь и далее, если переводчик не указан, перевод принадлежит автору статьи.

⁸ Платон. Тимей. С. 433.

кла, мы обнаружим, что данная фраза не так-то проста, как можно было бы подумать, и что она представляет собой классический пример синтаксической неоднозначности, характерной для гераклитовского «темного» стиля⁹, когда значение текста меняется в зависимости от расстановки в нем знаков препинания. В самом деле, если читать процитированное выше предложение, ставя колон после слова *παντός* («всего»)¹⁰, то смысл высказывания будет сводиться к тому, что важнее всего – установить сообразное с природой начало рассуждений. Если же поставить колон после слов *μέγιστον δὴ* («самое важное») и отнести *παντός* («всего») к последней части фразы, то тогда получится, что самое важное – это избрать сообразное с природой начало всего, то есть каждой отдельной вещи и всего мира в целом¹¹. Сам Прокл считает, что фраза сочетает в себе одновременно оба смысла, и что Платон намеренно делает свою речь многозначной. Тем не менее русский переводчик выбирает только первый способ чтения, то ли полагая его более естественным, то ли просто не догадываясь о существовании других. В результате присущая оригиналу многозначность (не важно, намеренная или нет) из русского текста исчезает. Устраним ли этот недостаток? Можно ли сохранить многозначность платоновской речи в переложении на родной для нас язык? Или это в принципе невозможно? Может быть, достаточно просто перевести этот отрывок слово за слово, по возможности сохраняя и порядок слов, и синтаксис? Тогда получится: «важнее всего начинать с сообразного с природой начала». Как видим, ситуация принципиально не изменилась: если в греческом предложении слово «всего» легко может быть отнесено к концу фразы, то русский вариант этого не позволяет. Впрочем, если приложить чуть больше усилий, то решение находится: двусмысленность греческой фразы могла бы быть сохранена при следующем переводе: «самое важное во всем избрать сообразное с природой начало».

Обратимся к примеру терминологической непоследовательности русского перевода Аристотеля, который приводит в своей книге

⁹ О гераклитовском темном или «неясном» (ἄδηλον) стиле см.: *Аристотель*. Риторика III, 1407b11–20: «Расставить знаки препинания в произведениях Гераклита – большой труд, потому что неясно, что к чему относится: к последующему или предыдущему, как например в начале произведения, где он говорит: этот Логос сущий вечно люди не понимают» (пер. О.П. Цыбенко).

¹⁰ В данном случае колон будет подразумевать двоеточие или тире.

¹¹ *Proclus*. In *Tim.* I, 337.

новосибирский исследователь Е.В. Орлов¹². Разбирая выполненный А.В. Лебедевым перевод фрагмента псевдоаристотелевского сочинения «О Мелиссе, Ксенофане и Горгии», он обращает внимание на то, насколько небрежно переводчик передает термины ὅμοιον – ἴσόμενον: то как «подобное – неподобное», то как «одинаковое – неодинаковое», то как «однородное – неоднородное». Читателя, хотя бы немного знакомого с философией Аристотеля, такой перевод может направить по ложному следу, считает Орлов. Задумавшись над тем, что означает термин «однородное», он решит, что здесь подразумевается тождественное по роду; однако тождественное по роду («гомогенное») у Аристотеля имеет совершенно другое значение нежели «подобное» (ὅμοιον). И то же самое можно сказать об «одинаковом»: «одинаковое» (т.е. одно и то же с самим собой или с другим) и «подобное» – совершенно разные вещи. Что же заставляет переводчика отказаться от унифицированного перевода терминов ὅμοιον – ἴσόμενον? Желание сделать текст более узнаваемым для русского читателя. С этой целью для каждого нового контекста всякий раз подыскивается наиболее привычное и узнаваемое для нас словосиноним: например, говоря о вещи, каждая часть которой подобна любой другой, переводчик предпочитает называть ее не «подобочастной» (ὀμοιομερές), как сам автор трактата, а «однородной», т.е. именно так, как обычно называем такие вещи мы: «Но, вероятно, он употребляет термин «подобное» (τὸ ὅμοιον) в смысле «подобия самому себе» и говорит, что универсум сам себе «подобен», поскольку однороден (ὀμοιομερές) и весь целиком вода, земля или любое другое вещество того же рода» (MXG 976a17–20)¹³. В результате читатель получает легкий, ясный текст, не отпугивающий его неизвестными словами (вроде «подобочастного») и абстрактными терминами, и потому вполне годящийся для первого общего ознакомления с трактатом. Но что делать более искушенному читателю, который привык относиться к тексту вдумчиво и соотносить контексты словоупотребления не только друг с другом, но и с творчеством Аристотеля в целом? Что делать читателю-исследователю, который хотел бы, например, изучить историю понятия «подобие» у ранних философов и Аристотеля? Для таких целей перевод А.В. Лебедева оказывается мало пригоден.

¹² Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля. С. 17–20.

¹³ «О Мелиссе, Ксенофане и Горгии» // Лебедев А.В. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 320.

Желание сделать текст оригинала простым, понятным и общедоступным порой заводит переводчика так далеко, что он начинает отступать от подлинника не только в синтаксисе и стилистике, но и в содержании. Переводчик становится едва ли не соавтором переводимого произведения, предлагая читателю не столько перевод, сколько переработку, или, как говорили теоретики художественного перевода, «творческое воссоздание оригинала средствами родного языка»¹⁴. Например, вот как описывает принципы художественного перевода И.Л. Альтман в статье «О художественном переводе» (1936 г.): «Виртуозный перевод не меняет композиции, не меняет смысла произведения и отдельных его частей, он добивается точного воссоздания, воспроизведения образов автора, но всегда вносит нечто свое, от своего языка, своей культуры для более точной передачи духа переводимого произведения в целом и его нюансов. Это мы называем *творческим* переводом. Творческий перевод всегда – жизненно-правдивый перевод... Он правдиво, поэтически воссоздает литературное произведение на другой национальной почве»¹⁵.

В схожих выражениях говорит о переводе и К.И. Чуковский: «Переводчик художественной прозы не фотографирует подлинник, а творчески воссоздает его»; «Нужно переводить не с языка на язык, а то реальное содержание, те мысли и чувства, какие выражены в данном произведении»¹⁶. Еще дальше заходит в своем понимании «правильного» перевода И.А. Кашкин. В статье «О языке перевода» (1951 г.) он призывает переводчиков поставить себя на место автора, увидеть то, что видел он, и передать не просто слова, но «мысль за словом, конкретность, внутреннюю логику и связь изображаемого». Только тогда, по его словам, до читателя будет донесена «идейно-художественная сущность переводимого произведения, то основное и важное, что интересно и живо в нем в наше время, то прогрессивное, что следует передать в первую очередь»¹⁷. И даже те переводчики, которых в 1950-е годы было принято относить к лагерю буквалистов и формалистов, признавали, что перевод представляет

¹⁴ Цит. по: *Азов А. Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е гг.* М., 2013. С. 50. К теоретикам художественного перевода помимо И.Л. Альтмана можно также отнести А.В. Федорова, И.А. Кашкина, К.И. Чуковского и др.

¹⁵ Цит. по: *Азов А. Поверженные буквалисты.* С. 49–50.

¹⁶ Там же. С. 70; С. 106.

¹⁷ *Азов А. Поверженные буквалисты.* С. 96.

собой творческое занятие, что переводчик – «художник, а не фотограф: он пишет портрет произведения; он актер, он играет Байрона, Гюго, Гейне; его перевод – живое отображение оригинала, а не гипсовый слепок с трупа»¹⁸. За переводчиком, как художником и портретистом, признавалось право воспроизводить только те элементы переводимого произведения, которые он считал наиболее важными; эти элементы требовалось выделять и подчеркивать, в остальном же позволялось отступать от точности перевода, поскольку передать одинаково хорошо все стороны подлинника считалось невозможным.

Перевод никогда не сможет полностью заменить оригинал, считали теоретики художественного перевода и, как следствие, признавали и оправдывали известную неточность художественного перевода, вытекающую отсюда. В вышедшей в 1930 г. книге «Искусство перевода» А.В. Федоров писал: «Воспроизводя одну какую-либо сторону подлинника с наибольшей точностью, которую позволяет ему родной язык, переводчик неизбежно изменит точности в каком-либо другом отношении. ... Отдельные особенности подлинника как бы борются за то место, которое им придется занять в произведении переводчика. И переводчик, отбрасывая одно, сохраняя или видоизменяя другое, производит известный отбор среди предоставляющихся ему возможностей и так или иначе разрешает это столкновение борющихся сил. Таким образом, точность в одном пункте равна неточности в другом»¹⁹. Иными словами, художественный перевод может и даже вынужден быть неточным, поскольку от него требуется следовать не за словом, а за мыслью автора, передавая не то, что он сказал, а то, что хотел или мог бы сказать, если бы говорил на русском языке, а в идеале – если бы жил и вырос в русской культуре.

Признанным мастером художественного перевода считался С.Я. Маршак. Им восхищались, его неизменно приводили в пример того, как нужно переводить поэзию. Классическими были признаны его переводы сонетов Шекспира, баллад и песен Бернса, стихотворений Кипплинга, Блейка, Вордсворта. Одно из известнейших его произведений – перевод стихотворения Роберта Бёрнса «For the sake of Somebody»²⁰.

¹⁸ Цитата из послесловия Г.А. Шенгели к переводам поэм Байрона (цит. по: Поверженные буквалисты. С. 83).

¹⁹ Поверженные буквалисты. С. 29.

²⁰ *Маршак С.Я.* Собр. соч. Т. 3. М., 1969. С. 420.

My heart is sore – I dare not tell,	Моей душе покоя нет.
My heart is sore for Somebody:	Весь день я жду кого-то.
I could awaken a winter night	Без сна встречаю я рассвет -
For the sake of Somebody.	И все из-за кого-то.
O-hon! for Somebody!	Со мною нет кого-то.
O-hey! for Somebody!	Ах, где найти кого-то!
I could range the world around	Могу весь мир я обойти,
For the sake of Somebody.	Чтобы найти кого-то.
You Powers that smile on	О вы, хранящие любовь
virtuous love,	Неведомые силы,
O, sweetly smile on Somebody!	Пусть невредим вернется
From every danger keep him free,	вновь
And send me safe my Somebody!	Ко мне мой кто-то милый.
O-hon! for Somebody!	Но нет со мной кого-то.
O-hey! for Somebody!	Мне грустно отчего-то.
I would do – what would I not? -	Клянусь, я все бы отдала
For the sake of Somebody.	На свете для кого-то!

Как видим, перевод отстывает от подлинника и в стилистике, и в метрике, и в содержании. Вместо припева, например, у Маршака появляются жалобы: «Со мною нет кого-то. Ах, где найти кого-то?», «Но нет со мной кого-то, мне грустно от чего-то». Тогда как у Бёрнса всего лишь: O-hon! for Somebody! O-hey! for Somebody! У Маршака отсутствует образ проведенной без сна зимней ночи, добродетельной любви, улыбки горных сил. Но главное – стихотворение выглядит настолько русским, настолько современным, что его легко принять за размышления человека XX века, затерянного в огромном мегаполисе и тоскующего среди тысяч безразличных к нему людей по единственной и еще неведомой родной душе. Маршак полностью одомашнил и осовременил Бёрнса, заставив его не просто говорить на родном для нас языке, но еще и так, как это делаем мы сами. Плохо ли это? Конечно же, нет, просто не стоит считать это чудесное стихотворение Маршака переводом: это не перевод, а написанное по его мотивам произведение, которое в лучшем случае можно назвать вольным пересказом или переложением.

Еще одним примером образцового художественного перевода служило стихотворение Лермонтова «Горные вершины», которое является переложением «Ночной песни странника» Гёте²¹:

²¹ Goethe. Wandrers Nachtlied // Goethe. Gedichte 1756–1799. S. 388.

Über allen Gipfeln	Горные вершины
Ist Ruh',	Спят во тьме ночной.
In allen Wipfeln	Тихие долины
Spürest Du	Полны свежей мглой.
Kaum einen Hauch;	Не пылит дорога,
Die Vögelein schweigen im Walde.	Не дрожат листья...
Warte nur! Balde	Подожди немного,
Ruhest du auch.	Отдохнешь и ты. ²²

К.И. Чуковский в книге «Высокое искусство» так отзываясь о стихотворении Лермонтова: «Пора редакторам и критикам осознать до конца, что самый точный перевод гётевских «Горных вершин» дан, конечно, нарушителем всех буквалистских канонов Лермонтовым, а не теми фетишистами точности, которые переводили это же стихотворение Гёте с самым тщательным соблюдением ритмики, рифмовки и строфики»²³. И все же как бы мы ни восхищались стихотворением Лермонтова, признать его вслед за Маршаком «самым точным» переводом Гёте никак невозможно. Не говоря уже о различиях в метрике (плавный хорей у Лермонтова никак не соответствует колебаниям ритма оригинала при переходе от стиха к стиху)²⁴, у русского и немецкого стихотворений – совершенная разная система мотивов и образов. Пейзаж Лермонтова напоминает предгорья северного Кавказа или Грузии: перед нами окруженная горами долина, посреди которой вьется дорога, укатанная и утопанная до сухости и пыли²⁵. У Гёте же изображены лесистые вершины гор, на которые лирический герой смотрит откуда-то свысока, стоя на какой-то более высокой точке обзора, позволяющей ему видеть под собой расстилающееся море древесных крон²⁶. Отсюда – звуковая параллель: *Gipfeln* и *Wipfeln*, благодаря которой кроны как бы перекликаются с вершинами. Взгляд поэта устремляется сначала к вершинам гор,

²² Лермонтов М.Ю. Из Гёте // Лермонтов М.Ю. Собр. стихотворений. Т. 1. М.: 1969. С. 311–312.

²³ Чуковский К. Высокое искусство. М., 2014. С. 98.

²⁴ Федоров А.В. Творчество Лермонтова и западные литературы // М.Ю. Лермонтов. Кн. 1. М., 1941. С. 129–226.

²⁵ Лермонтов написал это стихотворение около 1840 г., т.е. когда поэт отправился в свою последнюю поездку на Кавказ.

²⁶ Известно, что Гете написал свое стихотворение в сентябре 1780 г. на стене охотничьей хижины, поднявшись на вершину горы Кикельхан близ Ильменау в Тюрингии, см.: *Goethe. Gedichte 1756–1799*. S. 1072.

замечая царящий *над* ними покой; потом перемещается ниже, к кронам деревьев, обнаруживая, что и здесь ничто не шелохнется; потом поэт прислушивается к окружающему его лесу, где все молчит и замерло, даже птицы, и, наконец, обращается к себе, говоря: подожди, остановись, прислушайся к этому мгновению, и этот царящий повсюду покой снизойдет и на тебя тоже.

Совсем не то у Лермонтова: вместо леса у него – горная долина; вместо взгляда на горы сверху вниз – взгляд на них снизу вверх, с открытой местности, из долины; вместо царящего во всей природе торжественного покоя – сон, отдых после тяжелого дня. И вся эта иная, так не похожая на гётевскую, система образов придает совершенно иное звучание заключительной строчке стихотворения. У Лермонтова слова «подожди немного, отдохнешь и ты» слышатся не как призыв задержать на миг свой жизненный бег, прислушавшись к торжественному покою природы, а, скорее, как обещание долгожданного отдыха: потерпи, осталось еще чуть-чуть, окончательное освобождение от жизненных трудов уже близко... Переводя Гёте, Лермонтов как бы ставит себя на место немецкого поэта, спрашивая, что бы чувствовал и о чем бы думал я в похожей ситуации? Не в лесу, потому что лес мне чужд и незнаком, а там, где я привык и люблю бывать – в долине среди гор? И вот, отвечая на этот вопрос, поэт пишет свое стихотворение, называя его «Из Гёте», то есть, видимо, понимая, что его едва ли можно считать переводом. Тем не менее теоретики художественного перевода подымают стихотворение Лермонтова на знамя, провозглашая его «самым точным переводом гётевских “Горных вершин”».

На этом примере можно лучше понять задачи, ставившиеся перед художественным переводом: требовалось не просто переложить автора на родной язык, но перевести его на язык своей культуры, ее образов, ее понимания жизни, то есть создать такое произведение, которое создал бы сам переводимый автор, доведись ему вырасти в нашей стране.

Конечно, в переводах из античной классики мы едва ли столкнемся с чем-то подобным. Если поставить себя на место Гёте, Бёрнса, Флобера или Золя, как того требовал И.А. Кашкин, еще как-то можно, то представить, что ты Еврипид, Софокл, Платон или Аристотель – гораздо труднее. Здесь поневоле приходится переводить то, что автор действительно сказал, а не то, что он хотел или мог бы сказать, иными словами, в большей степени следовать букве. Тем не менее, окон-

чательно победившая в СССР к середине 50-х годов практика художественного перевода наложила свой отпечаток и на переводы античных философов. Пусть от переводчика и не требовалось вступать в соавторство с Платоном или Аристотелем, тем менее за ним сохранялось право решать, какие элементы у этих авторов являются важными и требующими более тщательного перевода, а какие – второстепенными; на что следует обратить особое внимание, выпятить и подчеркнуть, а что можно передать приблизительно, особенно не разбираясь.

Характерный пример – перевод А.Н. Егуновым аллегории пещеры в платоновском «Государстве». Присутствующие в русском тексте небрежности и недочеты можно объяснить только тем, что переводчик не придавал соответствующим отрывкам слишком большого значения. В самом деле, зачем вникать в детальное устройство «подземного жилища», если основную роль в этой аллегории играют сама пещера, тени на ее стене и смотрящие на тени узники? Внимание к деталям кажется педантичностью, чрезмерным буквализмом. Что если, воспроизводя их, переводчик будет вынужден изменить живым интонациям речи Платона? Что если какой-нибудь критик, вроде К. Чуковского или И. Кашкина, найдет его перевод тяжеловесным, нудным, скучным и на этом основании обвинит в неточности, поскольку под точностью сторонники художественного перевода понимали удачное воспроизведения стиля Платона, его литературной манеры и творческой личности?²⁷ В результате принадлежащие Егуну переводы Платона оказываются, с одной стороны, «едва ли не самыми совершенными переводами греческой прозы... благодаря той удивительной естественности звучания по-русски, какую в его руках приобретает греческий оригинал»²⁸, а с другой – изобилуют небрежностями из-за недостатка внимания к нюансам платоновской образности. В частности, аллегория пещеры открывается у него словами: «Представь, что люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет»²⁹. Такое описание никак не вяжется с образом пещеры и едва ли не полностью его разрушает. В самом деле, говоря о пещере, мы обычно подразумеваем замкнутое со всех сторон пространство с ведущим в него узким и длинным входом, а не нечто вроде дзота, как это полу-

²⁷ Чуковский К. Высокое искусство. С. 21.

²⁸ Россиус А.А. Русский текст Платона: современное состояние. С. 105.

²⁹ Платон. Государство / Пер. А.Н. Егунова // Платон. Собр. соч. Т. 3. С. 295.

чается у Егунова. Впрочем, оригинал расставляет все по местам: ... ἐν καταγείῳ οἰκῆσει σπηλαιώδει, ἀναλεπταμένην πρὸς τὸ φῶς τὴν εἴσοδον ἐχούση μακρὰν παρὰ πᾶν τὸ σπήλαιον (Resp. 514a15) – «... как бы в подземном пещерообразном жилище, которое имеет открывающийся к свету длинный вход, ведущий ко всей пещере». Как видим, перевод Егунова игнорирует слова «вход» (τὴν εἴσοδον) и «свет» (τὸ φῶς), заменяя их на странный «просвет», по-видимому, призванный объединить то и другое. Прилагательное μακρὰν интерпретируется им как «широкий», тогда как в сочетании с ὁδός («путь», «дорога») оно обычно означает «длинный». Наконец, редкое для предлога παρὰ сочетание с винительным падежом τὸ σπήλαιον переводчик понимает как «вдоль чего-то», что является ошибкой, поскольку эта конструкция, обладающая, по замечанию А.А. Россиуса, в силу своей редкости «весьма четко определяемым значением», подразумевает «по направлению к чему-то»³⁰. Егунов не учитывает, откуда ведется описание пещеры и где находится наблюдатель: внутри или снаружи. Так вот, пещеру описывает наблюдатель, смотрящий на нее извне, на что указывает слово «вход». Но если речь о входе, то сочетание εἴσοδον παρὰ πᾶν τὸ σπήλαιον легко переводится как вход по направлению ко всей пещере, ведущий во всю глубину пещеры.

Другой пример – перевод Н.Н. Томасовым отрывка из диалога «Парменид» (135a), неудовлетворительный как в терминологическом, так и в содержательном плане: «И надо быть исключительно даровитым, чтобы понять, что существует некий род каждой вещи и сущность сама по себе, а еще более удивительный дар нужен для того, чтобы доискаться до всего этого, обстоятельно разобраться во всем и разъяснить другому»³¹.

Обратимся к греческому оригиналу: καὶ ἀνδρὸς πάνυ μὲν εὐφυοῦς τοῦ δυνησομένου μαθεῖν ὡς ἔστι γένος τι ἐκάστου καὶ οὐσία αὐτὴ καθ' αὐτήν, ἔτι δὲ θαυμαστοτέρου τοῦ εὐρήσοντος καὶ ἄλλον δυνησομένου διδάξαι ταῦτα πάντα ἱκανῶς διευκρινησάμενον.

«И надо быть исключительно даровитым человеком, чтобы усвоить, что существует некий род каждой вещи и сущность сама по себе. Но еще более удивительным даром должен обладать тот, кто сможет все это открыть, обстоятельно различить и научить этому другого».

³⁰ Россиус А.А. Русский текст Платона: современное состояние. С. 107.

³¹ Платон. Парменид / Пер. Н.Н. Томасова // Платон. Собр. соч. Т. 2. М., 1993. С. 357.

Пропуская или неточно передавая такие важные для Платона термины как: «человек» (ἄνδρoς), «учиться» (μαθεῖν), «учить» (διδάξει), «открывать» (εὕρησοντος) и «различать» (διευκρινησάμενον), Томасов искажает общий смысл фрагмента, не замечая, что речь в нем идет не о разных степенях одаренности одного и того же человека, а об учителе и ученике – о том, какими достоинствами должен обладать каждый из них: ученик, усваивающий знание об идеях, и учитель, обучающий его этому знанию. Читая русский текст «Парменида», мы можем подумать, будто Платон на разные лады повторяет одно и то же: «надо понять», «надо до всего этого доискаться», «надо обстоятельно разобраться» и т.д. В действительности же он говорит о том, что если от ученика требуется большая природная одаренность для того, чтобы просто усвоить, перенять от другого знание об идеях, то насколько же большим талантом должен обладать тот, кто эти идеи сам откроет, отличит как следует одну от другой, да еще и научит этому других. Прокл, комментируя это место, полагает, что ученик здесь выступает аналогом богини бедности Пении, а учитель – бога богатства Пороса, между которыми находится Эрот, олицетворяющий собой философию и связующий несовершенного с совершенным³². В русском переводе все эти глубокомысленные параллели совершенно теряются, поскольку, во-первых, переводчик признает за собой право на неточность в неважных, как ему кажется, местах, и во-вторых, хочет дать читателю легкий, хорошо читаемый русский текст в соответствии с принципом, сформулированным позднее Н. Заболоцким: «если перевод с иностранного языка не читается как хорошее русское произведение, это перевод или посредственный, или неудачный»³³.

Можно было бы и дальше приводить примеры неудовлетворительных переводов, но уже и тех, которые мы разобрали, достаточно, чтобы понять: с этими текстами невозможно работать, по ним нельзя проводить исследования. Если читатель полагает, что, перечитывая

³² Proclus. In Parm. 976, 21-25: «Затем он вновь напоминает о том, каким должен быть наставник в науке о божественном, говоря, что ему следует быть плодовитым и способным совершать открытия в этом учении. В самом деле, иные продвигаются в учении ровно настолько, сколько им требуется для себя самих, другие же способны напомнить об истине вещей также и другим людям. Вот почему наставник именуется обладателем еще более удивительного дара. Он выступает здесь аналогом Пороса, а ученик – Пении, между которыми находится Эрот, связующий несовершенного с совершенным».

³³ Заболоцкий Н. Заметки переводчика // Мастерство перевода. М., 1959. С. 252.

вновь и вновь русский перевод «Метафизики» и задавая ему вопросы, он сможет лучше понять учение Аристотеля о «возможности» и «действительности», или что, вдумываясь в текст «Тимея», сможет заметить какие-то неожиданные параллели с другими произведениями Платона, то он глубоко заблуждается. Перевод так не работает. Замечательный русский поэт и переводчик Григорий Дашевский в одном своих интервью сравнил отечественные переводы античных авторов с мраморным телефоном, который в известной детской сказке создает старик Хоттабыч. Этот телефон выглядит так же, как настоящий и даже красивее, но только не работает. «Это муляж, суррогат, скорее заслон между человеком и реальной античной традицией, чем дверь в это помещение. Нарисованная дверь»³⁴. Ошибочно думать, что, вглядываясь в перевод, мы вглядываемся в того или иного античного автора. В переводе есть только то, что вложил в него переводчик: ни больше и ни меньше. Если перед ним стояла задача воспроизвести «литературную манеру» и «творческую личность» философа, то странно было бы надеяться встретить в его труде что-то еще. Если же переводчик хотел дать легкий, гладкий и с первого взгляда понятный читателю текст, то не стоит искать в нем сложные и глубокие мысли – их там не будет, это будет текст, предназначенный исключительно для первого ознакомления. В перевод попадут только те соображения, которые понял переводчик, только те смыслы, которые он заметил, только те параллели, на которые обратил внимание, а просто так, со словами, ничто контрабандой в текст не проникнет. Поэтому если переводчик не понял в тексте вообще ничего и просто переводил слова, решив, что смысл образуется сам собой, то получится в итоге может только бессвязный набор слов.

Подводя итог, нужно сказать следующее. Перевод никогда полностью не заменит подлинника; он всегда интерпретация, доносящая до нас только те стороны оригинального произведения, на которые обратил внимание и которые счел важными переводчик. Недостатком многих наших старых классических переводов Платона и Аристотеля, относимых обычно к школе «художественного перевода», является то, что казавшееся важным для их авторов уже не кажется важным для нас, и наоборот: то, что они отбрасывали как не заслуживающее внимания, мы сегодня считаем едва ли не центральным и не

³⁴ Дашевский Г. Интервью для «Совы Минервы» (РГГУ) / Интервью взял В. Файер, см.: <https://www.youtube.com/watch?v=WB9e8abqYf4>.

ключевым, открывающем возможности новых прочтений древней философии.

2. Буквальный перевод

Кажется, что всех недостатков художественного перевода можно было бы избежать, перейдя к переводу буквальному, под которым обычно понимают перевод более точный, передающий не столько мысль автора (как ее понял переводчик), сколько слова переводимого текста, причем, по возможности, в том же порядке, в каком они стоят в оригинале. «Слово, а не предложение является первичным мельчайшим кирпичиком для переводчика», – так сформулировал Вальтер Беньямин принцип буквального перевода³⁵. Можно перечислить целый ряд положительных черт, выгодно отличающих буквальный перевод от художественного:

1) буквальный перевод избегает всяческой «отсебятины» и полностью отказывает переводчику в праве выступать в качестве соавтора переводимого текста.

2) не считает одни элементы текста важными, а другие не важными, но с одинаковым вниманием относится ко всему, пытаясь отразить каждую деталь оригинала.

3) старается как можно точнее воспроизвести стиль автора, избегая как дополнений, так и пропусков. Плеоназм он передает плеоназмом, двусмысленность – двусмысленностью, а если в тексте присутствует неясность, то не позволяет себе ее истолковывать.

4) избегает русификации оригинала, предпочитая, скорее, подчеркивать его чужеродность и необычность, нежели излишне одомашнивать.

Для того, чтобы сохранить синтаксис и грамматические конструкции иноязычного текста, он порой идет даже на нарушение норм родного языка, что зачастую делает его малопонятным и неудобочитаемым. Впрочем, иные сторонники буквального перевода готовы мириться с этим обстоятельством и даже усматривают в нем своего рода достоинство, полагая, что непонятность перевода является дополнительным свидетельством в пользу его точности. Так, А.Ф. Лосев, сам ярый сторонник буквального перевода античных философов, восхищаясь точностью перевода Аристотеля, выполненного Боницем, признается тем не менее, что его невозможно читать. «Кто изучал

³⁵ Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб., 2004. С. 41–42.

перевод Боница, – пишет он в предисловии к собственному переводу XIII и XIV книг «Метафизики» – тот, конечно, удивлялся, во-первых, необычайной точности этого перевода, а во-вторых его чрезвычайной непонятности»³⁶. С другой стороны, те переводы Аристотеля, которые выполнены на нормальном человеческом языке и доступны пониманию простого смертного, кажутся Лосеву вовсе не переводами, а пересказами.

Похожей точки зрения придерживается и современный американский переводчик Аристотеля Монтгомери Фёрт. По его убеждению, буквальный перевод и хороший английский язык несовместимы: пытаясь добиться понятности перевода и соблюсти синтаксические нормы английского языка, переводчики лишают читателя аристотелевского текста. Поэтому собственный подстрочный перевод «Метафизики» Фёрт называет «варварским»³⁷. Наконец, наш российский исследователь Аристотеля Е.В. Орлов, говоря о необходимости новых, более точных переводов Аристотеля, тоже признает, что неподготовленному читателю такие переводы могут показаться излишне сложными и неудобочитаемыми³⁸. В том, что это действительно так, можно убедиться на примере переведенных самим Орловым отдельных фрагментов из произведений Аристотеля. Например, вот его перевод отрывка из «Поэтики» 1460b, посвященного, как он сам говорит, отношению «словесного выражения» и «размышления»: «Словесное же выражение надо обрабатывать в бездеятельных частях, [незамечательных] ни по нравам, ни по размышлениям; ибо слишком блестящее словесное выражение, опять же, затмевает нравы и размышления»³⁹.

Понять, о чем здесь говорится, без привлечения греческого текста практически невозможно. Читатель чувствует себя дезориентированным в родном языке и не понимает, что за предмет здесь обсуждается? Что это за «части»? Почему они названы «бездеятельными»? Как части чего бы то ни было могут быть «не замечательными по нравам» или «по размышлениям»? В каком значении переводчик использует предлог «по»? И что он подразумевает под «словесным выражением», которое нужно как-то «обрабатывать» в этих самых «бездея-

³⁶ Лосев А.Ф. Критика платонизма у Аристотеля // Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. М., 1994. С 530.

³⁷ Цит. по: Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля. С. 12.

³⁸ Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля. С. 14.

³⁹ Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля. С. 30.

тельных частях»? Не секрет, что любое существительное, глагол и даже частица не обладают значением сами по себе; их семантика всегда определяется рамками того целого, которому они принадлежат: языка, речи, данного конкретного контекста, данного предложения. Ведь значение есть системная категория, задаваемая положением слова в системе языка, то есть его отношением к другим языковым единицам. Так, в выражении «по размышлении» предлог «по» обычно имеет значение «после», а в словосочетании «по нраву» – подразумевает некое соответствие. В словах «похлопать по плечу» он будет означать предмет, на который направлено действие, а во фразе «ему эта задача по плечу» вновь будет иметь значение соответствия, поскольку изменился контекст его употребления. В переводе же Орлова русское слово насильно изымается из привычных для него семантических и синтаксических связей, лишается естественных способов употребления, вследствие чего по необходимости теряет всякое значение. В результате русский текст оказывается не просто «неудобочитаемым» и «трудным для понимания», он превращается в совершенную бессмыслицу. Потому что смысл, как сказал бы Аристотель, присущ словам не самим по себе, не поскольку они – слова (*ὄνόματα*), а поскольку они принадлежат некоей речи (*λόγος*) и являются ее элементами. Элементам же придает значение целое.

Но посмотрим, наконец, на ту греческую фразу из «Поэтики», перевод которой предлагает Орлов: *τῆ δὲ λέξει δεῖ διαπονεῖν ἐν τοῖς ἀργοῖς μέρεσιν καὶ μῆτε ἠθικοῖς μῆτε διανοητικοῖς· ἀλοκρῦπτει γὰρ πάλιν ἢ λίαν λαμπρὰ λέξις τὰ τε ἥθη καὶ τὰς διανοίας* (Poet. 1460b). В оригинале, а также в переводе М.Л. Гаспарова, она выглядит совсем не такой загадочной и непонятной: «Что же касается речи, то над ней надо особенно трудиться в частях, лишенных действия, и не замечательных ни по характерам, ни по мыслям. И наоборот, слишком блестящая речь заслоняет собою и характеры, и мысли»⁴⁰.

Перевод М.Л. Гаспарова сразу ставит все на свои места: «части» оказываются частями литературного произведения, а их непонятная «бездеятельность» означает всего лишь, что в них не происходит никакого действия, никаких событий, способных вызвать интерес читателя. Эти части ничем «не примечательны» и в отношении описываемых в них характеров (*τὰ ἥθη*) и высказанных мыслей (*τὰς διανοίας*). Поэтому, чтобы развлечь и удержать внимание читателя, Аристотель

⁴⁰ Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 675–676.

советует автору особенно потрудиться над своей речью, сделав ее как можно более яркой и увлекательной. Вот в чем заключается смысл этой фразы, и вот как много информации можно почерпнуть из ее перевода просто потому, что русские слова и выражения помещаются переводчиком в естественный для них языковой контекст с сохранением всех привычных семантических и синтаксических связей. Даже предлог «по» больше не висит в воздухе бессмысленным сочетанием звуков, но приобретает вполне определенное значение «соответствия чему-то». Переводя ἀρούϊς μέρεσιν не как «бездеятельные части», но как «части, лишённые действия», Гаспаров сразу же верно очерчивает то семантическое поле, которому принадлежит рассуждение Аристотеля. Слово «действие» наводит читателя на мысль о сценическом или сюжетном действии, о действиях персонажей романа и таким образом позволяет без труда догадаться, о чем идет речь. Наоборот, слово «бездеятельные», которые Орлов считает более точным чем «лишённые действия», заставляет думать о пассивности, праздности, вялости – иными словами, скорее, о свойствах души нежели литературного произведения. Если оборот «трудиться над речью», передающий у Гаспарова τῆ λέξει διαλογεῖν, сразу отсылает нас к труду писателя или ратора, работающего над своим слогом, то фраза «обрабатывать словесное выражение», с помощью которой Орлов надеется «улучшить» гаспаровский перевод, совершенно сбивает с толку своей неестественностью, поскольку слово «обрабатывать» в русском языке обычно подразумевает работу над сырым материалом (деревом, землей), но никак не над словом – это неизвестный для нашего языка узус, способный вызвать лишь недоумение. Далее: если «характеры» (τὰ ἦθη) и «мысли» (τὰς διανοίας) вновь отсылают нас к семантике литературного произведения, то «нравы» и «размышления», на первый взгляд, вообще не имеют общего семантического поля.

Что же не удовлетворяет Орлова в ясном переводе Гаспарова? Почему новосибирский исследователь считает его неточным и заслоняющим от нас текст самого Аристотеля? Может быть, виной тому появление в переводе отсутствующих у Аристотеля слов и выражений (например, «не замечательных»)? Или то, что прилагательные ἀρούϊς, ἠθικοῖς и διαλογτικοῖς переводятся существительными и перестают быть однородными членами предложения?⁴¹ Однако допущен-

⁴¹ В самом деле, вместо того, чтобы сказать: «... в частях, лишённых действия,

ные Гаспаровым синтаксические отклонения от оригинала, очевидно, не волнуют Е.В. Орлова, поскольку он практически полностью воспроизводит их в своем собственном переводе, сохраняя и вставное выражение «не замечательных», и лишний предлог «по», и даже добавляя кое-что от себя, а именно: вместо того, чтобы переводить τῆ λέξις дательным падежом, как у Гаспарова, он переводит его винительным как прямое дополнение при глаголе «обрабатывать». Единственное, что подвергается замене, это перевод отдельных слов. Вместо «речи» появляется «словесное выражение», вместо «трудиться» – «обрабатывать», вместо «лишенных действия» – «бездеятельные», и т.д.:

Аристотель	М.Л. Гаспаров	Е.В. Орлов
λέξις	речь	словесное выражение
διαλονεῖν	трудиться	обрабатывать
ἀργός	лишенный действия	бездеятельный
τὰ ἦθη	характеры	нравы
αἱ διανοίαι	мысли	размышления

Почему такая замена слов кажется Орлову более точным переводом? Потому что, как пишет он сам, «надо переводить одно и то же философски значимое слово оригинального текста одним и тем же словом языка перевода»⁴². Для Аристотеля и λέξις, и ἦθος, и διάνοια, безусловно, являются философски значимыми словами, почти терминами. Так λέξις, согласно определению в «Поэтике», есть «изъяснение посредством слов»⁴³, то есть та особая лексика, тот особый способ выражения, который избирает автор эпического или драматического произведения, чтобы описать некую вещь или ситуацию. Ясно, что переводить этот термин как «речь» было бы неправильно – это был бы слишком расплывчатый и *неточный* перевод, поскольку русское «речь» охватывает гораздо более широкий круг значений, включая и значение греческого λόγος, с которым λέξις отнюдь не совпадает. Поэтому если в одном месте «Поэтики» мы решили перевести λέξις как «способ выражения» (или «словесное выражение»), то этого перевода следует придерживаться и во всех остальных час-

характеров и мыслей», он говорит: «не замечательных по характерам и мыслям», вводя тем самым предлог «по», наводящий на мысль о греческом κατά.

⁴² Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля. С. 20.

⁴³ Aristotle. Poetics 6, 1450b: λέξιν εἶναι τὴν διὰ τῆς ὀνομασίας ἐρμηνείαν.

тях трактата, не обращая внимания на то, насколько он вписывается в конкретный контекст и какие новые смысловые обертоны приобретает. В идеале правило унифицированного перевода должно распространяться не только на переводимое произведение Аристотеля, но и на весь корпус его сочинений, а в пределе – и на весь язык классической греческой философии. Вот почему перевод ἀρῦός как «лишенный действия» представляется Орлову недопустимым: слово «лишенный» вызывает у него ассоциации с «лишенностью», которая по сложившейся традиции закреплена за другим важным для Аристотеля термином – στέρησις. Орлову кажется, что, услышав «лишенный», читатель обязательно подумает о субъект-предикатных отношениях, о чем-то бесформенном и в итоге окажется сбит с толку. Точно так же он полагает невозможным переводить ἦθη как «характеры», а διαβολαί как «мысли», поскольку в этических сочинениях Аристотеля эти термины обозначают, скорее, человеческие нравы и рассуждения.

Как видим, точность перевода понимается Орловым как точность в передаче философской лексики – когда за одним греческим словом навсегда закрепляется его определенный русский эквивалент, который потом неизменно подставляется на место данного слова, невзирая на то, насколько это соответствует нормам русского языка. Такой перевод, по существу, сводится к механической подстановке одних слов вместо других и напоминает даже не подстрочник, а символическую запись, в которой слова используются не как семантические единицы определенной языковой системы, а как символы, условные знаки, значение которых состоит исключительно в том, чтобы отсылать читателя к своему иноязычному соответствию. Такая переводческая установка во многом близка к машинному переводу и при наличии достаточно проработанного словаря соответствий⁴⁴ вполне могла быть реализована компьютером. Во всяком случае, от переводчика здесь не требуется ни думать, ни чувствовать, ни понимать, но лишь заменять одно слово другим, не заботясь о том, насколько осмысленным будет конечный результат.

Все критики буквализма отмечают тот факт, что буквальный перевод очень часто оборачивается бессмыслицей. Так, К.И. Чуковский, обсуждая в своей книге «Высокое искусство» переводы Афанасия Фета, пишет, что тот перевел многие строки Шекспира, не понимая

⁴⁴ Созданием такого словаря, по большей части, и занят Е.В. Орлов в своей монографии.

их смысла и даже не пытаюсь понять. Например, у Фета встречается такая строфа:

«Ведь у меня ни *письменного* нет,
Ни слов, ни сильной речи, ни движений,
Чтоб волновать людскую кровь».

«Что значит: «*письменного нет*»? – спрашивает Чуковский, – Откуда взялось это дикое «*письменное*»? В подлиннике сказано: у меня нет ума, остроумия. Остроумие по-английски wit. Но Фету, очевидно, почудилось, что в подлиннике сказано wit (писаный). Нимало не удивляясь тому, что у Шекспира встретилась такая явная чушь, Фет рабски воспроизвел эту чушь, совершенно равнодушный к тому, что же она в сущности значит»⁴⁵. И это не случайная ошибка, не исключительный случай, – замечает Чуковский – это закономерное следствие принципиальной переводческой установки на механическую замену одних слов другими, на соблюдение точности не при передаче смысла, а при передаче отдельных языковых лексем.

К сожалению, усваивая эту буквалистскую установку, иные переводчики начинают думать, что им вовсе не обязательно понимать смысл переводимого текста, что достаточно всего лишь перевести слова, и смысл появится сам, а если не появится, то и не страшно, ведь буквальный перевод не обязан быть понятным и удобочитаемым. В результате такие переводы местами выглядят настолько бессмысленными, что возникает желание спросить у автора, может ли он пересказать своими словами, что тут написано? Вот, к примеру, отрывок из трактата Аристотеля «О памяти и припоминании» в переводе Е.В. Алымовой: «Однако всякий раз как человек получает знание и чувственное восприятие без каких либо усилий, тогда он и помнит... то ли потому, что его научили или он сам заметил, то ли потому что услышал или увидел или же воспринял каким-то подобным образом»⁴⁶.

Если верить переводу, то Аристотель утверждает, будто мы помним только тогда, когда приобретаем знание без усилий. Но как можно приобрести знание «без усилий»? Разве когда человек учится или, тем более, самостоятельно добывает знание о том или ином предмете, он не прилагает усилий, не трудится? А наш собственный опыт разве

⁴⁵ Чуковский К. Высокое искусство. С. 95.

⁴⁶ Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти / Пер. Е.В. Алымовой. СПб., 2004. С. 139.

не подсказывает нам, что чем больше мы работаем над чем-то, тем лучше помним? Однако переводчица, очевидно, не задается этими вопросами. В оригинале же отрывок выглядит так (De memoria 1, 449b19–20): ὅταν δ' ἄνευ τῶν ἔργων σχῆ τὴν ἐπιστήμην καὶ τὴν αἴσθησιν, οὕτω μέμνηται τὸ μὲν ὅτι ἔμαθεν ἢ ἐθεώρησεν, τὸ δὲ ὅτι ἤκουσεν ἢ εἶδεν ἢ τι τοιοῦτον. – «Когда же, не совершая никаких действий, он будет обладать знанием и ощущением, вот тогда он будет помнить, что одно выучил или созерцал, а другое – слышал, видел», и т.п.

Слово ἔργων, которое Алымова переводит как «усилия», в действительности означает нечто другое. Просто его значение нужно брать не из словаря, а из контекста – того, что говорит Аристотель двумя строчками выше (De memoria 1, 449b17): «Никто не сказал бы, что помнит настоящее, когда оно налицо, как например, вот это белое, когда я его вижу; или что он помнит умозраемое, когда ему случится созерцать и мыслить, но он скажет, что первое он ощущает, а второе – познает. Когда же, не совершая никаких действий». Из этого рассуждения видно, что под «действиями» (ἔργα) Аристотель понимает не усилия и не труд, направленные на приобретение знания, но актуальные, прямо сейчас совершающиеся ощущение и мысль. В тот момент, когда они происходят, мы не можем сказать, что *помним* о них, поскольку именно сейчас ощущаем и мыслим, память же возникает только по прошествии некоторого времени. Однако Алымова не обращает внимания на контекст, на то, какое значение приобретают отдельные слова, если соотнести их с аристотелевским рассуждением в целом. Она довольствуется значениями, почерпнутыми исключительно из словаря, как если бы слова переводимого текста существовали изолированно друг от друга.

В одной из глав трактата «Об ощущении и ощущаемом» (De sensu 438a5–9) Аристотель критикует демокритовскую теорию зрения как отражения, что в переводе Алымовой выглядит следующим образом: «Демокрит же, с одной стороны, когда говорит, что зрение – вода, говорит прекрасно, а когда говорит, что зрение кажется отражением, говорит неудачно. Это ведь происходит потому, что глаз гладкий и находится не в созерцаемом, но в созерцающем. Ибо отражение это претерпевание»⁴⁷.

Как следует из перевода, Аристотель в ответ на утверждение Демокрита, что зрение представляет собой отражение, возражает: но

⁴⁷ Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти. С. 104.

ведь глаз находится не в созерцаемом предмете, на который смотрит наблюдатель, а в самом наблюдателе. Такой аргумент кажется по меньшей мере нелепым. Как апелляция к тому очевидному факту, что у предметов нет глаз, могла бы служить доводом против демокритовой теории зрения? На самом деле, мы вновь имеем здесь дело с переводческой установкой на передачу не смысла текста, но его буквы, которая не позволяет переводчице заметить получающуюся бессмыслицу.

У Аристотеля сказано (*De sensu* 438a5–9): Δημόκριτος δ' ὅτι μὲν ὕδωρ εἶναι φησι, λέγει καλῶς, ὅτι δ' οἶεται τὸ ὄραν εἶναι τὴν ἔμφασιν, οὐ καλῶς· τοῦτο μὲν γὰρ συμβαίνει ὅτι τὸ ὄμμα λεῖτον, καὶ ἔστιν οὐκ ἐν ἐκείνῳ ἀλλ' ἐν τῷ ὄρῳντι· ἀνάκλασις γὰρ τὸ πάθος⁴⁸.

Где же допускает ошибку переводчица? Она полагает, что в предложении, начинающимся со слов καὶ ἔστιν, подлежащим является τὸ ὄμμα (глаз), что было бы вполне допустимо с точки зрения грамматики, если бы перед καὶ издатели не ставили запятую. Но если мы принимаем глаз за подлежащее, то выражение ἐν ἐκείνῳ будет относиться у нас к чему-то другому. Последовательный буквалист, конечно, не стал бы выяснять, к чему именно, удовлетворившись переводом «не в нем» или «не в том». Но Е. Алымова пытается истолковать ἐκείνῳ и передает его совершенно неуместным и непонятно откуда взявшимся «созерцаемым», отчего и выходит упомянутая бессмыслица. Но давайте попробуем выкинуть неудачно добавленное «созерцаемое», оставив ἐν ἐκείνῳ как оно есть, без истолкования, и у нас получится перевод, пусть и удовлетворяющий всем требованиям буквализма, но при этом по-прежнему непонятный и неудобочитаемый: «Это ведь происходит потому, что глаз гладкий, и существует не в нем, но в видящем. Ибо претерпевание есть отклонение назад».

Мы заменили каждое греческое слово его русским аналогом, сохранив и порядок слов в предложении, и даже синтаксис. Можно ли считать, что в результате мы дали читателю текст Аристотеля в том виде, в каком он есть, не заслонив и не исказив его нашей интерпретацией? Можно ли считать, что в такой перевод можно вдумываться, вглядываться, понимать? Очевидно, нет. Правила русского синтаксиса заставят читателя совершить ту же самую ошибку, что и Алымова – понять глагол «существует» как сказуемое при слове «глаз». И тогда, гадая, что же это за таинственный «он» (ἐκείνος), в котором глаз не находится, читатель придет к единственному разумному объ-

⁴⁸ Aristotle. *Parva Naturalia*, 438a 5-9.

яснению, что это, скорее всего, видимый предмет, который Аристотель противопоставляет видящему. Таким образом, буквальный перевод, почти подстрочник, будет вводить читателя едва ли не в большее заблуждение, нежели перевод художественный. Обещая не заслонять собой оригинал и оставить его таким, как есть, он предложит читателю текст, из которого, как ни ломай голову, не удастся извлечь никакого смысла.

Процитированный фрагмент из «Об ощущении и ощущаемом», так же как и трактат в целом, показывает нам, что нельзя правильно перевести Аристотеля без понимания существа дела, опираясь исключительно на знание грамматики. Поэтому прежде, чем приступить к переводу данного фрагмента, переводчику следует выяснить, в чем состоит теория Демокрита, что такое ἔμφασις и ἀνάκλασις и чем они отличаются друг от друга. Аристотель же имеет в виду довольно известное явление, которое состоит в том, что если посмотреть в глаза другого человека, то можно увидеть в них собственное отражение. Демокрита это навело на мысль, что зрение можно объяснить отражением, то есть что мы видим предмет постольку, поскольку в наших глазах возникает его уменьшенный образ. Возражая Демокриту, Аристотель замечает, что так же, как отраженный от поверхности зеркала образ находится не в самом зеркале, а в том, кто в него смотрит, поскольку зрительный луч отражается от зеркальной поверхности и возвращается назад к смотрящему, так и возникающее в глазах отражение предмета находится не в них самих, а в том, кто в эти глаза заглядывает. Поэтому увидеть отраженный в глазах человека предмет может только сторонний наблюдатель, самому же обладателю глаз отражение видимого предмета оказывается недоступным, так что объяснять зрение отражением – неправильно. Вот в чем состоит аргумент Аристотеля. Только разобравшись в сути этой полемики, переводчик сможет понять, какое слово является подлежащим при глаголе ἔστιν и на что указывает местоимение ἐκεῖνος. Он увидит, что подлежащим при ἔστιν является не τὸ ὄμμα (глаз), а ἡ ἔμφασις (отражение), τὸ ὄμμα же является тем, на что указывает ἐκεῖνος. В результате получится следующий перевод⁴⁹: «Отражение возникает потому, что глаз гладкий, и отраженный образ находится не в нем, а в смотрящем, поскольку это претерпевание [отражение] представляет собой отклонение образа назад».

⁴⁹ Аристотель. Об ощущении и ощущаемом / Пер. С.В. Месяц // Мера вещей. Человек в истории европейской мысли. М., 2015. С. 533–534.

Можно ли назвать такой перевод пересказом? Заслоняет ли он собой греческий подлинник? Мешает ли ему хоть чем-то нормальный русский язык? На все три вопроса я бы ответила «нет»: перед нами просто правильный перевод. Как показывает мой собственный переводческий опыт, буквализм, почти дословное следование оригиналу, в случае удачи сопровождающееся даже сохранением иноязычного синтаксиса, является, скорее, результатом большой и долгой работы и никогда не ее отправной точкой. Сначала нужно перевести текст как можно более свободно, пересказав его почти своими словами, чтобы выраженная в нем мысль обрела естественное выражение в родном для нас языке. И только затем можно попытаться, используя невероятную пластичность и богатство русского языка, придать этой мысли форму, максимально близкую к форме оригинала, еще раз продумав для этого терминологию, перебрав синонимы, изменив последовательность слов из более естественной для нас на более соответствующую структуре оригинала и т.п. Иными словами, надо постараться приложить максимум усилий для того, чтобы в переводе от переводчика осталось как можно меньше, и слово получил сам автор на новом для него языке.

Идеальный перевод, таким образом, видится мне как золотая середина на пути от художественного перевода к буквальному, но не наоборот, потому что если мы будем сначала переводить текст как можно точнее, а потом пытаться сделать его максимально понятным, как поступал А.Ф. Лосев, по его собственному признанию⁵⁰, то мы никогда не уйдем от главного недостатка буквального перевода – ошибок при передаче смысла. Лучшее доказательство этому – переводы самого Алексея Федоровича, в частности, его перевод «Первооснов теологии» Прокла⁵¹, в работе над которым он, очевидно, тоже использовал этот метод.

Надо сказать, что сам Лосев считал себя буквалистом и неоднократно заявлял, что видит свою задачу в том, чтобы дать текст того или иного античного автора без изменений. При этом он старался не

⁵⁰ В предисловии к переводу «Метафизики» Лосев так описывает свой переводческий метод: «Прежде всего я стараюсь, насколько позволяет язык, передать точно фразу Аристотеля. Затем, когда это выполнено, я всячески стараюсь сделать ее максимально понятной. Для достижения такой понятности я широко пользуюсь методом квадратных скобок, то есть начинаю вставлять пояснительные слова после каждого выражения, содержащего в себе какую-нибудь непонятность» (Лосев А.Ф. Критика платонизма у Аристотеля. С. 530).

⁵¹ Прокл. Первоосновы теологии. Гимны / Пер. и комм. А.Ф. Лосева и О.В. Смычки. М., 1993.

нарушать нормы русского языка и не превращать текст совсем уж в бессмыслицу, а кроме того, – использовать метод квадратных скобок, чтобы вставлять пояснительные слова там, где это казалось ему необходимым. Благодаря такому подходу перевод «Первооснов теологии» стал удобочитаемым и более-менее понятным по-русски, однако это не избавило его от многочисленных ошибок. Например, от нарушения логики доказательства, связанных, как правило, с неверным пониманием того, где в условном периоде заканчивается придаточное и начинается главное предложение, какое слово играет роль подлежащего и относительно чего ведется рассуждение. Что же касается пояснений в квадратных скобках, то они, как правило, бывают излишни и не только ничего не поясняют читателю, а, наоборот, сбивают его с толку.

Самый яркий пример – перевод выражения τὸ πρῶτον ἀγαθόν из восьмой теоремы «Первооснов теологии», которое Лосев переводит не как «первично благое», а как «первично [сущее] благо», добавляя слово «сущее» от себя. Но в этой теореме Прокл ставит своей целью доказать, что первично благое (или, что то же самое, благо само по себе) находится за пределами сущего, поэтому в какой-то момент Лосев вынужден перевести: «первично [сущее] благо – за пределами сущего»⁵². Эта фраза выглядит явным оксюмороном, однако это несколько не смущает переводчика. Далее в девятой теореме Прокл говорит о том, что несамодовлеющее уступает самодовлеющему, потому что не может самостоятельно обеспечить себе благобытие, нуждаясь для этого «в другой, отдельной от него причине» (κεχωρισμένης αἰτίας ἐνδεοῦς ὄντος), Лосев после слова «отдельной» добавляет в квадратных скобках «от блага», приходя таким образом к весьма странному заключению, будто для своего совершенства несамодовлеющее нуждается в отдельной от блага в причине, что прямо противоречит логике прокловского доказательства.

Как пример ошибки в определении предмета, относительно которого ведется рассуждение, можно привести перевод Лосевым теоремы 2. Слова Прокла «κείμενον τὸ ἓν κατὰ τὴν μέθεξιν καὶ ὑπέμεινεν ἐν γενέσθαι» он передает следующим образом: «единое оказывается претерпевшим причастность и оно подверглось действию единого»⁵³, что выглядит бессмысленным: зачем претерпевать причастность и становиться единым тому, что уже и так едино? На самом деле подлежа-

⁵² Прокл. Первоосновы теологии. С. 15.

⁵³ Прокл. Первоосновы теологии. С. 10.

щим этого предложения является τὸ μετέχον τοῦ ἑνὸς («приобщенное к единому»), в то время как τὸ ἕν («единое») служит прямым дополнением при πέλονθε («претерпело»). Правильный перевод фразы должен быть таким: «приобщенное к единому претерпело единство в результате приобщения и испытало становление единым». В результате путаницы с подлежащим оказывается искажен весь дальнейший ход доказательства⁵⁴. Конечно, заподозрить А.Ф. Лосева, переведшего сотни страниц античных философских текстов, в незнании греческого языка или в непонимании философии Прокла, невозможно. Поэтому все допущенные им ошибки могут быть объяснены только буквалистской установкой переводчика, его стремлением передать прежде всего букву, а потому уже смысл оригинала. Лосев полагает, что когда он пользуется методом квадратных скобок, – то есть добавляет поясняющие слова к уже готовому буквальному переводу, – то убивает разом двух зайцев: дает читателю и точное отражение слов древнего автора, и максимально понятный текст⁵⁵. Однако, как мы убедились выше, эта стратегия не работает. Поскольку поясняющие слова добавляются уже после того, как перевод сделан, то они поясняют не столько смысл оригинала переводчику, сколько смысл готового перевода – читателю. Поэтому уберечь перевод от ошибок и прямой бессмыслицы они не могут.

Буквальный перевод не может становиться все более и более художественным, а вот художественный способен делаться все точнее и точнее, постепенно приближаясь к оригиналу. Поэтому если мы хотим достичь некоей золотой середины между этими двумя переводческими стратегиями, избежав присущих им крайностей и объединив положительные черты обеих, то правильнее всего будет двигаться от художественного перевода к буквальному, не забывая при этом, что никакой, даже самый совершенный, перевод никогда не сможет заменить и вытеснить собой оригинал, ибо «понимание всегда индивидуально, и каждый переводчик будет и приближать нас к смыслу переводимого текста, и отдалять от него»⁵⁶.

⁵⁴ Критические замечания к переводу А.Ф. Лосева см. также: *Месяц С.В.* Начала метафизики Прокла. С. 232–233.

⁵⁵ Лосев надеется, что его стратегия сочетает в себе, таким образом, положительные черты буквального и художественного переводов: «Получается, что желающие иметь точное отражение текста Аристотеля получают это отражение, а желающие иметь удобочитаемый текст, получают этот удобочитаемый текст» (*Лосев А.Ф.* Критика платонизма у Аристотеля. С. 530).

⁵⁶ *Россиус А.А.* Русский текст Платона: современное состояние. С. 104–115.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

- Aristotle. Poetica* / Ed. R. Kassel. Oxford: Clarendon Press, 1965.
- Aristotle. Parva naturalia* / Ed. W.D. Ross. Oxford: Oxf. University Press, 1955.
- Clemens Alexandrinus. Protrepticus* / Ed. U. Treu // *Clemens Alexandrinus. Vol. 1.* Berlin: De Gruyter, 2013.
- Eusebius. Die Praeparatio euangelica* / Ed. K. Mras // *Eusebius Werke, Bd. 8.* Berlin: Akademie Verlag, 1954.
- Goethe. Gedichte 1756–1799. Text und Kommentar* / Hrsg. K. Eibl. Berlin: Deutscher Klassiker Verlag im Taschenbuch, 2010.
- Nemesius Emesenus. De natura hominis* / Ed. C.F. Matthaei. Magdeburg: Gebauer, 1802.
- Philo Alexandrinus. Quod deterius potiori insidiari solet* / Ed. L. Cohn // *Philonis Alexandrini opera quae supersunt. Vol. 1.* Berlin: De Gruyter, 1962. P. 258-298.
- Proclus Diadochus. In Platonis Timaeum commentaria* / Ed. E. Diehl. Leipzig: Teubner, 1903–1906.
- Proclus. Commentaire sur le Parménide de Platon, livre II* / Texte établi et trad. par C. Luna et A.-Ph. Segonds. Paris: Les Belles Lettres, 2010.

Переводы и исследования:

- Азов А.* Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М.: ВШЭ, 2013.
- Аристотель.* Об ощущении и ощущаемом / Пер. и комм. С.В. Месяц // *Мера вещей. Человек в истории европейской мысли.* М.: Аквилон, 2015. С. 530–581.
- Аристотель.* Поэтика / Пер. М.Л. Гаспарова // *Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4.* М.: Мысль, 1984. С. 645–681.
- Аристотель.* Риторика. Поэтика / Пер. О.П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2007.
- Аристотель.* Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти / Пер. Е.В. Алымовой. СПб.: СПбГУ, 2004.
- Беньямин В.* Маски времени. Эссе о культуре и литературе / Сост., предисл. и примеч. А. Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2004.
- Дашевский Г.* Интервью для «Совы Минервы» (РГГУ). Интервью взял В. Файер, <https://www.youtube.com/watch?v=WB9e8abqYf4>
- Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1979.
- Заболоцкий Н.* Заметки переводчика // *Мастерство перевода.* М., 1959. С. 251–253.
- Лебедев А.В.* Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989.
- Лермонтов М.Ю.* Собрание стихотворений. Т. 1. М.: Правда, 1969.
- Лосев А.Ф.* Критика платонизма у Аристотеля // *Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность.* М.: Мысль, 1994. С. 527–712.
- Маршак С.Я.* Собрание сочинений. Т. 3. М.: Художеств. литература, 1969.
- Месяц С.В.* Начала метафизики Прокла (Введение к переводу некоторых

теорем «Начал теологии») // АРХЭ. Труды культурологического семинара. Вып. 5 М.: РГГУ, 2009. С. 203–235.

Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля. Новосибирск: СО РАН, 2011.

Петров В.В. Многосветлая цепь. Солнце в позднеантичном платонизме и Ареопагитском корпусе // ПЛАΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма М.: Кругъ, 2013. С. 240–263.

Петров В.В. Символ и священнодействие в позднем неоплатонизме и Ареопагитском корпусе // ПЛАΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма. М.: Кругъ, 2013. С. 264–317.

Платон. Государство / Пер. А.Н. Егунова // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79–420.

Платон. Парменид / Пер. Н.Н. Томасова // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 346–412.

Платон. Парменид / Пер., введение и комм. Ю.А. Шичалина. СПб.: РХГА, 2017.

Платон. Тимей / Пер. С.С. Аверинцева // Платон. Собрание соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 421–501.

Порфирий. О жизни Плотина и порядке его книг / Пер. и комм. Д.В. Бугая // Историко-философский альманах. Вып. 5. М.: МГУ, 2015. С. 161–213.

Прокл. Первоосновы теологии. Гимны / Пер. и комм. А.Ф. Лосева и О.В. Смыки. М.: Прогресс, 1993.

Россиус А.А. Русский текст Платона: современное состояние // Платоновский сборник. Т. 1. М.; СПб.: РГГУ, РХГА, 2013. С. 104–116.

Федоров А.В. Творчество Лермонтова и западные литературы // М.Ю. Лермонтов. Кн. 1. М.: АН СССР, 1941. С. 129–226.

Филон Александрийский. О том, что худшее склонно нападать на лучшее / Пер. И.А. Макарова // Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета. М.: ГЛК, 2000. С. 200–251.

Чуковский К. Высокое искусство. М.: Время, 2014.

Svetlana Viktorovna Mesyats

PhD in Philosophy, Senior Research Fellow at the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia. E-mail: messiat@mail.ru.

The temptation of literalism, or What should be the translation of Ancient philosophical texts?

Abstract. The growing dissatisfaction with classical Russian translations of Plato and Aristotle of the second half of the 20nd cent., as well as the recent efforts to replace them with more exact and accurate ones compel us to raise a question of how to translate ancient philosophical texts. The paper shows that the former soviet translators basically adhered to the principle of “artistic” translation, which involved the re-

creation of the Greek or Latin original by means of their native language. On the contrary, modern Russian scholars prefer to follow the principle of the so called “literal” translation, considered to be a more accurate one because of reproducing rather the words of the translated text than the thought of the author, as it is understood by the translator. The article gives a comparative description of both approaches and shows on concrete examples the advantages and disadvantages of each of them.

Keywords: theory of translation, artistic and literal translation, ancient philosophical texts, Plato, Aristotle.

References

- Aristotle, *Poetica*, ed. by R. Kassel. Oxford: Clarendon Press, 1965.
- Aristotle, *Parva naturalia*, ed. by W.D. Ross. Oxford: Oxford University Press, 1955.
- Clemens Alexandrinus, *Protrepticus*, ed. by U. Treu, in: Clemens Alexandrinus. Vol. 1. Berlin: De Gruyter, 2013.
- Eusebius, *Die Praeparatio euangelica*, ed. By K. Mras, in: Eusebius Werke, Bd. 8. Berlin: Akademie Verlag, 1954.
- Goethe, *Gedichte 1756–1799. Text und Kommentar*, hrsg. K. Eibl. Berlin: Deutscher Klassiker Verlag im Taschenbuch, 2010.
- Nemesius Emesenus, *De natura hominis*, ed. by C.F. Matthaei. Magdeburg: Gebauer, 1802.
- Philo Alexandrinus, *Quod deterius potiori insidiari soleat*, ed. L. Cohn, in: Philonis Alexandrini opera quae supersunt. Vol. 1. Berlin: De Gruyter, 1962, pp. 258-298.
- Proclus Diadochus, In Platonis *Timaeum* commentaria, ed. by E. Diehl. Leipzig: Teubner, 1903–1906.
- Proclus, Commentaire sur le *Parménide* de Platon, livre II, Texte établi et trad. par C. Luna et A.-Ph. Segonds. Paris: Les Belles Lettres, 2010.
- Azov A., *Poverzhennyye bukvalisty. Iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody* [Fallen literalists. From the history of the literary translation in the USSR 1920-1960]. Moscow: VShE Publ., 2013. (In Russian).
- Aristotle, “Ob oshchushchenii i oshchushchaemom” [On sense and sensible objects], trans. By S.V. Mesyats, in: *Mera veshchei. Chelovek v istorii evropeiskoi mysl.* Moscow: Akvilon Publ., 2015. S. 530–581. (In Russian).
- Aristotle, *Poetika* [Poetics], trans. by M.L. Gasparov, in: Aristotle. Sochineniya [Works], 4 Vols. Vol. 4. Moscow: Mysl Publ., 1984. S. 645–681. (In Russian).
- Aristotle, *Ritorika. Poetika* [Rhetoric. Poetics], trans. by O.P. Tsybenko. Moscow: Labirint Publ., 2007. (In Russian).
- Aristotle. *Protreptik. O chuvstvennom vospriyatii. O pamyati* [Protreptic. On sense perception. On memory], trans. by E.V. Alyмова. SPb.: SPbGU Publ., 2004. (In Russian).
- Benyamin, V. *Maski vremeni. Esse o kulture i literature* [Masks of Time. Essays about culture and literature], ed. by A. Belobratov. SPb.: Simpozium Publ., 2004. (In Russian)
- Dashevskii, G. *Intervyu dlya «Sovy Minervy» (RGGU)* [Interview for “Owl of Minerva”]. Interv'yu vzyal V. Faier. (In Russian). <https://www.youtube.com/>

watch?v=WB9e8abqYf4

Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [Lives of eminent philosophers], trans. by M.L. Gasparov. Moscow: Mysl Publ., 1979. (In Russian)

Zabolotskii, N. “Zametki perevodchika” [Translator’s Notes], in: *Masterstvo perevoda*. Moscow: Sovetskii Pisatel’ Publ., 1959, pp. 251–253. (In Russian).

Lebedev, A.V. *Fragmentsy rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of Early Greek Philosophers]. Ch. 1. Moscow: Nauka Publ., 1989. (In Russian).

Lermontov, M.Yu. *Sobranie stikhotvoreniy* [Collected Poems]. T. 1. Moscow: Pravda Publ., 1969. (In Russian)

Losev, A.F. *Kritika platonizma u Aristotelya* [Aristotle’s Critics of Platonism], in: Losev A.F. *Mif – Chislo – Sushchnost*. Moscow: Mysl Publ., 1994, pp. 527–712. (In Russian)

Marshak, S.Ya. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. T. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1969. (In Russian)

Mesyats, S.V. “Nachala metafiziki Prokla (Vvedenie k perevodu nekotorykh teorem «Nachal teologii»)” [Elements of Proclus’ Metaphysics. Introduction to the translation of the selected theorems of the “Elements of Theology”], *ARKhE. Trudy kul’turologicheskogo seminara*, 2009, Issue 5, pp. 203–235. (In Russian).

Orlov, E.V. *Filosofskii yazyk Aristotelya* [Aristotle’s Philosophical Language]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2011. (In Russian)

Petrov, V.V. “Mnogosvetlaya tsep. Solntse v pozdneantichnom platonizme i Areopagitskom korpuse” [A Chain of Great light: The Sun in the Platonism of Late Antiquity and the Corpus Areopagiticum], in: ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Issledovaniya po istorii platonizma. Moscow: Krug Publ., 2013, pp. 240–263. (In Russian)

Petrov, V.V. “Simvol i svyashchennodeistvie v pozdнем neoplatonizme i Areopagitskom korpuse” [Symbol and the Sacred Action in the Later Neoplatonism and the Corpus Areopagiticum], in: ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Issledovaniya po istorii platonizma. Moscow: Krug Publ., 2013, pp. 264–317. (In Russian)

Plato. *Gosudarstvo* [The State], trans. by A.N. Egunov, in: Platon. *Sobraniye sochinenii* [Collected Works], 4 Vols. Vol. 3. Moscow: Mysl Publ., 1994, pp. 79–420. (In Russian)

Plato. *Parmenid* [Parmenides], trans. by N.N. Tomasov, in: Platon. *Sobraniye sochinenii* [Collected Works], 4 Vols. Vol. 2. Moscow: Mysl Publ., 1993, pp. 346–412. (In Russian)

Plato. *Parmenid* [Parmenides], ed. by Yu.A. Shichalin. Saint Petersburg: RKhGA Publ., 2017. (In Russian)

Plato. *Timei* [Timaeus], trans. by S.S. Averintsev, in: Platon. *Sobraniye sochinenii* [Collected Works], 4 Vols. Vol. 3. Moscow: Mysl Publ., 1994, pp. 421–501. (In Russian)

Porphyrius. *O zhizni Plotina i poryadke ego knig* [Life of Plotinus] / Per. i komm. D.V. Bugaya, in: *Istoriko-filosofskii al'manakh*. Vyp. 5. Moscow: MGU Publ., 2015, pp. 161–213. (In Russian)

Proclus. *Pervoosnovy teologii. Gimny* [Elements of Theology. Hymns], trans. with comm. by A.F. Loseva i O.V. Smyki. Moscow: Progress Publ., 1993. (In Russian)

Rossius, A.A. “Russkii tekst Platona: sovremennoe sostoyanie” [Russian Text of Plato: the current state], in: *Platonovskii sbornik. T. 1.* Moscow; SPb.: RGGU, RKhGA Publ., 2013, pp. 104–116. (In Russian)

Fedorov, A.V. *Tvorchestvo Lermontova i zapadnye literatury* [Lermontov’s Work and the Literatures of the West], in: M.Yu. Lermontov. *Kniga 1.* Moscow: AN SSSR Publ., 1941, pp. 129–226. (In Russian)

Philo Alexandrinus. *O tom, chto khudshee sklonno napadat' na luchshee* [That the Worst tends to attack the Best], trans. by I.A. Makarova, in: *Filon Aleksandriiskii. Tolkovaniya Vetkhogo Zaveta* [Interpretations of Old Testament]. Moscow: GLK Publ., 2000, pp. 200–251. (In Russian).

Chukovskii, K. *Vysokoe iskusstvo* [High art]. Moscow: Vremya Publ., 2014. (In Russian)